

Л. Н. Толстой какъ художникъ и какъ мыслитель

Когда живъ былъ Л. Н. Толстой, помню, я испытывалъ иногда приливъ чувства счастья отъ одной мысли, что я современникъ несомнѣннаго гения, что не только современники Платона, Шекспира, Ньютона, Гете, Пушкина, а и мы причастны этой радости имѣть въ своей средѣ гения.

Говорятъ, гений великъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, а не только въ одной какой-либо области творчества. Это, конечно, правильная мысль: на всѣхъ проявленіяхъ гения лежитъ печать гениальности, однако и гений не всемогущъ и не всесовершенъ; только въ одной или нѣсколькихъ областяхъ онъ поднимается до такого величія, въ которомъ есть отблескъ божественной силы, а въ другихъ областяхъ онъ можетъ даже и низко падать, обнаруживая, однако, при этомъ свою гениальность, хотя бы своеобразіемъ своего паденія, пронизаннаго блесками гения. Есть правая и лѣвая рука, десница и шуйца также и у гения, и лѣвая рука его совершаетъ движенія, иногда крайне неловкія. Задача моя въ этой статьѣ состоитъ именно въ томъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о гении Толстого въ той сферѣ, гдѣ онъ подлинно великъ, именно въ художественномъ творествѣ, и о гении его также и въ той области, гдѣ онъ явно несовершенъ, именно въ философскомъ мышленіи. Оговорюсь тотчасъ-же, — я буду разсматривать эти двѣ стороны дѣятельности Толстого прѣимущественно съ формальной стороны, а не по существу, да и то отрывочно, оставляя въ сторонѣ проблемы эстетики и разсматривая только вопросъ о способахъ достиженія міра.

Великій художникъ и великій философъ находятся въ родствѣ другъ съ другомъ. Тотъ и другой одаренъ въ высшей мѣрѣ способностью цѣлостнаго видѣнія міра. Но художникъ видитъ міровую цѣлость въ конкретныхъ содержаніяхъ живого бытія, а мыслитель видитъ міровое-цѣлое

черезъ очки отвлеченныхъ понятій, безплотныхъ схемъ. Схемы эти, стороны системнаго порядка міра, воплощены въ живомъ бытіи; конечно, и художникъ не теряетъ ихъ изъ виду, но онъ не опознаетъ ихъ въ абстракціи, не вылучиваетъ ихъ изъ состава бытія, сосредоточивая всѣ средства своего выраженія на индивидуальной конкретной цѣлости міра. Это художественное видѣніе есть не только эстетическое созерцаніе, но и постиженіе міра, не рефлексивное, а непосредственное, такое, какимъ обладаютъ, напр., отецъ или мать, когда они, слѣдя за поведеніемъ своего сына, становятся какъ бы причастными глубинамъ его души и понимаютъ его, какъ онъ самъ себя, не выражая содержаніе его жизни въ сужденіяхъ. То, что при вѣдѣніи наблюденіи казалось бы нагроможденіемъ нелѣпыхъ и случайныхъ событій, постигается при такомъ непосредственномъ соучастіи какъ цѣлостная осмысленная жизнь. Всякое художественное произведеніе содержитъ въ себѣ такое непосредственно мудрое видѣніе жизни съ разною широтою охвата: «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя — въ малой канлѣ воды, «Война и миръ» Толстого или «Братья Карамазовы» Достоевскаго — въ объемѣ всей жизни на землѣ.

Идеальное постиженіе міра могло бы быть достигнуто лицомъ, въ которомъ совмѣстились бы совершенный художникъ и совершенный философъ: такое сочетание привело бы къ совпаденію цѣлостнаго видѣнія конкретной полноты бытія и пониманія ее въ понятіяхъ. Философія безконечно далека отъ этого идеала не только потому, что сила художественнаго видѣнія не достигаетъ у философовъ той высоты, какъ у Шекспира или Толстого, но еще и потому, что въ своей собственной сферѣ мышленія въ понятіяхъ философъ наталкивается на одно грандіозное затрудненіе: всякое понятіе, взятое въ отвлеченіи, имѣетъ тенденцію къ омертвѣлой замкнутости въ себѣ; вслѣдствіе своей опредѣленности согласно закону тождества и противорѣчія оно выталкивается изъ себя все иное, чѣмъ оно, и, приковывая къ себѣ умъ мыслителя, обрекаетъ его на одностороннее видѣніе. Между тѣмъ, живое бытіе совмѣщаетъ въ себѣ различныя, противоположныя и противорѣчащія другъ другу элементы. Подлинное пониманіе живого бытія возможно лишь для ума, видящаго въ каждой вещи ту сверхраціональную основу ея, которая обуславливаетъ въ ней взаимопроникно-

веніе противоположныхъ категорій и тенденцій. Только въ такомъ умѣ понятія освобождаются отъ своей омертвѣлости и односторонности, само противоположное и противорѣчащее другъ другу открывается ему, какъ требующее другъ друга, такъ что единое необходимо есть многе и многое есть единое, бытіе пронизано небытіемъ, временное преходящее содержитъ въ себѣ сверхвременную вѣчность и т. п.

Пониманіе этихъ странныхъ сплетеній противоположныхъ началъ требуетъ того умозрѣнія, той спекуляціи, которую Гегель называлъ конкретною. По мнѣнію Гегеля и многихъ современныхъ намъ философовъ (въ русской литературѣ укажемъ на Флоренскаго, Булгакова, Бердяева, Франка, Лосева), такое строеніе бытія антиномично и вырази́мо не иначе, какъ посредствомъ діалектическаго метода. Можно спорить противъ того, что живая дѣйствительность, какъ думаетъ Гегель, свободна отъ закона противорѣчія, можно отвергать діалектику въ гегелианскомъ пониманіи ея, но уже во всякомъ случаѣ нельзя подойти къ глубочайшимъ философскимъ проблемамъ, не обладая способностью видѣть взаимопроникновеніе противоположныхъ категорій въ живомъ бытіи. Въ конечномъ итогѣ, это видѣніе обязываетъ путемъ рациональнаго мышленія дойти до признанія сверхраціональныхъ основъ бытія, путемъ пониманія признать существованіе непонятнаго, доступнаго лишь мистическому созерцанію. Такимъ образомъ подлинная логичность осуществлена лишь въ тѣхъ философскихъ системахъ, которыя содержатъ въ себѣ мистическій аспектъ; чистый рационализмъ, лишенный этого аспекта, оказывается не достаточно рациональнымъ, недостаточно логичнымъ потому, что, дойдя до того пункта, гдѣ рациональное логически требуетъ перехода къ сверхраціональному, онъ боится этого требованія логики и пытается поставить на мѣсто сверхлогическаго произвольнаго мнимо логическаго конструкціи, используя только рациональные элементы, усматривая въ мірѣ только низшія сферы бытія. Объдняя составъ міра, такой мыслитель становится нестерпимо одностороннимъ и слишкомъ положительный умъ его оказывается недалекимъ отъ глупости. Въ художественномъ произведеніи такой односторонности быть не можетъ: художникъ застрахованъ отъ нея самымъ существомъ своего художествен-

наго дара, состоящаго в ъконкретномъ видѣніи бытія. Поэтому когда гений, какъ Толстой, рѣшается перейти отъ художественнаго творчества къ философскому, мы надѣемся найти въ его философіи сочувственное пониманіе всего безконечнаго разнообразія и богатства жизни и сложнѣйшій философскій синтезъ всѣхъ сторонъ ея. Но какъ велико наше разочарованіе, когда мы приступаемъ къ чтенію его философскихъ произведеній! То самое, что Толстой ясно видитъ, какъ художникъ, онъ старательно отрицаетъ, какъ философъ. Я уже не буду говорить о томъ, что, какъ философъ, онъ обнаруживаетъ непониманіе цѣнности науки, искусства, государства, націи, права, вообще всего того, что составляетъ сферу духовной жизни, кромѣ элементарной морали; я остановлюсь только на одномъ примѣрѣ того, что всего ближе мнѣ, какъ представителю философіи, занимающейся изслѣдованіемъ самыхъ общихъ категоріальныхъ основъ строенія бытія.

Какъ художникъ, Толстой превосходно изображаетъ взаимопроникнутость различныхъ сферъ бытія, вещей и существъ, кажущихся для внѣшняго наблюденія обособленными въ пространствѣ и времени и независимыми другъ отъ друга. Когда *Mlle Bourienne* совѣтуетъ княжнѣ Марьѣ Болконской обратиться къ французскому генералу Рамо и просить его покровительства, вся робость и нерѣшительность княжны Марьи исчезаетъ: «поскорѣе ѣхать!»... «чтобъ князь Андрей зналъ, что она во власти французовъ. Чтобъ она, дочь князя Николая Андреевича Болконскаго, просила генерала Рамо оказать ей покровительство и пользовалась его благодѣяніями!» Эта мысль приводила ее въ ужасъ, заставляла ее содрогаться, краснѣть и чувствовать еще неиспытанные ею припадки злобы и гордости. «Они, французы, поселятся въ этомъ домѣ; господинъ генералъ Рамо займетъ кабинетъ князя Андрея; будутъ для забавы перебирать его письма и бумаги... Они мнѣ будутъ рассказывать о побѣдахъ надъ русскими, будутъ притворно вырезать сочувствіе моему горю...» думала княжна Марья не своими мыслями. Для нея лично было все равно, гдѣ бы ни оставаться и что бы съ нею ни было; но она чувствовала себя вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей своего покойнаго отца и князя Андрея. Она невольно думала ихъ мыслями и чувствовала ихъ чувствами» (т. III, ч. II, гл. 10).

Сліянiе дочери съ отцомъ и братомъ въ одно существ-

во — удивительное и тѣмъ не менѣе несомнѣнное дѣйствительное явленіе. Еще удивительнѣе сліяніе множества лицъ въ одинъ цѣлостный организмъ полка или арміи, такъ прекрасно изображенное Толстымъ въ описаніи марша батальоновъ егерскаго полка передъ атакою (томъ I, ч. II, гл. 18) или въ описаніи смотра въ Ольмюцѣ (т. I, ч. III, гл. 8).

Но всего поразительнѣе то взаимопроникновеніе человека, природы и неодушевленныхъ вещей, которое дано въ миѣическомъ воспріятіи дѣйствительности. Способностью такового воспріятія былъ одаренъ капитанъ Тушинъ. Когда онъ командовалъ батареею подѣ Шенграбенемъ, неприятельскія пушки были для него «не пушки, а трубки, изъ которыхъ рѣдкими клубами выпускалъ дымъ невидимый курильщикъ».

Большую стариннаго литья пушку своей батареи, онъ называетъ «Матвѣвна» и обращается къ ней, какъ къ живому существу. «Звукъ то замиравшей, то опять усиливавшейся ружейной перестрѣлки подѣ горою представлялся ему чѣмъ то дыханіемъ. Онъ прислушивался къ затиханію и разгоранію этихъ звуковъ. — Ишь задышала опять, задышала, — говорилъ онъ про себя. Самъ онъ представлялся себѣ огромнаго роста, мощнымъ мужчиной, который обѣими руками швыряетъ французамъ ядра. — Ну, Матвѣвна, матушка, не выдавай!» — говорилъ онъ. (Т. I, ч. II, гл. 20).

Даромъ миѣического воспріятія обладаютъ первобытные народы всѣхъ частей свѣта и всѣхъ временъ; и въ культурной средѣ эта способность очень часто встрѣчается у дѣтей и у очень многихъ художниковъ. Этотъ типъ воспріятія міра вовсе не есть только фантастическое искаженіе дѣйствительности: исходя изъ него можно прийти, правда, къ нелѣпѣйшимъ баснямъ и суевѣріямъ, но и наоборотъ, осторожно критически пользуясь данными этого богатаго сложнаго видѣнія, можно проникнуть въ глубочайшіе тайники подлиннаго непрестанно творчески измѣняющагося бытія. Трансцендированіе всякаго бытія за предѣлы самого себя въ пространство и времени, возникающее отсюда взаимопроникновеніе элементовъ міра, нисхожденіе высшихъ царствъ бытія въ низшія и наоборотъ, причастіе низшаго бытія высшему, возникающій отсюда символическій характеръ многихъ событій и процессовъ (въ смыслѣ реального символизма, а не условна-

го только *) всѣ эти трудно постижимыя стороны міра открыты миѳическому видѣнію.

Миѳическое міропониманіе стало в ънаше время предметомъ усиленнаго вниманія ученыхъ и философовъ. Укажу въ иностранной литературѣ, напр., на труды Леви-Брюля и Кассирера. Но особенно русская философія охотно обращается къ идеѣ миѳа, какъ положительному типу постиженія міра. Лосевъ, страстный поклонникъ діалектическаго метода, въ своей книгѣ «Античный космосъ и современная наука» говоритъ: діалектика объясняетъ только эйдетику связей категоріальныхъ опредѣленій вещи, поэтому она не есть высшая ступень знанія; выше ея стоитъ миѳологія, т. е. то «цѣльное и окончательно полное знаніе», которое оперируетъ съ живыми вещами и съ живымъ міромъ, имѣя съ ними дѣло внѣ какихъ бы то ни было абстракцій» (15). Такое же отношеніе къ миѳическому постиженію міра находимъ мы у Бердяева въ его «Философіи свободнаго духа» и у о. Сергія Булгакова въ его «Свѣтъ невечернемъ», по крайней мѣрѣ, въ изслѣдованіи нѣкоторыхъ религіозно-философскихъ проблемъ **).

Рѣзко иначе строитъ свое міровоззрѣніе Толстой. Какъ мыслитель-философъ, онъ свелъ все содержаніе міра только къ матеріальнымъ чувственно-даннымъ элементамъ и психическимъ процессамъ, а форму къ разсудочно мыслимымъ отношеніямъ. Эта отвлеченная разсудочность достигаетъ крайнихъ степеней, производящихъ впечатлѣніе чего-то уже почти курьезнаго, въ его книгѣ «Критика догматическаго богословія», гдѣ онъ пытается изобразить православное богословіе, какъ гнѣздо противорѣчій и неумныхъ жалкихъ компромиссовъ. Насмѣхаясь надъ догматомъ Троичности и опровергая его на основаніи отвлеченно разсудочнаго аргумента, что три не можетъ быть равно одному, Толстой самоувѣренно утверждаетъ, что никто никогда въ дѣйствительности не вѣрилъ въ этотъ догматъ, и что онъ лишь какого бы то ни было метафизическаго и нравственнаго значенія. Такія смѣлыя заявленія производятъ странное впечатлѣніе особенно въ на-

*) См. объ этомъ извр., Бердяевъ «Философія свободнаго духа», Лосевъ: «Философія имени».

**) Объ отношеніи между миѳическимъ міропониманіемъ и современнымъ научнымъ см. мои статьи «Интеллектъ первобытнаго человѣка и просвѣщеннаго европейца (Соврем. Зап., вып. 28, 1926 г.) и «Миѳическое и современное научное мышленіе».

ше время, когда вновь пробудился интересъ къ религіи и къ богословію и, напр., въ русской литературѣ появляются статьи и книги открывающія глубокое значеніе всѣхъ догматовъ христіанства и въ особенноти догмата троичности (см., напр., статью о. С. Булгакова о завѣтахъ преподобнаго Сергія Радонежскаго въ журналѣ «Путь»).

Съ неумолимою рѣзкостью Толстой устраняетъ все глубинное и возвышенное содержаніе таинствъ и обрядовъ, все смысловое и цѣнное эстетическое въ искусствѣ, все духовное, сверхличное въ строеніи общества, государства, націи. Крещеніе для него «купанье въ водѣ», причастіе— простое съѣданіе кусочка хлѣба съ виномъ; выходъ священника изъ Царскихъ вратъ со Святою Чашею онъ описываетъ такъ: «взявъ въ руку золотую чашку, священникъ вышелъ съ нею въ среднія двери и пригласилъ желающихъ поѣсть тѣла и крови Бога, находившихся въ чашкѣ» («Воскресеніе», ч. II, гл. 39).

Какъ гениально просты эти приемы устраненія мистической стороны таинствъ. Вставленъ звукъ въ слово чаша, употреблено слово «поѣсть» и, смотришь, умъ читателя уже стилизованъ такъ, что перестаетъ видѣть значительность и безконечную содержательность Приобщенія Святыхъ Таинъ, непрерываемо данную въ опытѣ всякому религіозному человѣку; на лицо остается только плоская дѣйствительность, лишенная глубины.

Потрясающая односторонность Толстого, какъ мыслителя, вопіющее огрубленіе міра, производимое имъ, давно уже были подмѣченны и мѣтко охарактеризованы Достоевскимъ. Толстой «претъ въ одну точку», говоритъ онъ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ умовъ, которые «чтобы разглядѣть, что стоитъ в ъсторонѣ, очевидно не имѣютъ способности: имъ нужно для того повернуться всѣмъ тѣломъ, всѣмъ корпусомъ. Вотъ тогда они, пожалуй, заговорятъ совершенно противоположное, такъ какъ они всегда строга искренни» (Дневникъ писателя, 1877).

Геній всегда однако остается геніемъ. Само огрубленіе міра, производимое Толстымъ, выходитъ за предѣлы того, что способенъ совершить обыкновенный человѣкъ, и пріобрѣтаетъ титаническій характеръ. Сила покаянія, чуткость ко всякимъ видамъ соціальной несправедливости и жажда поборотъ ихъ у него безмѣрны. Не удивительно поэтому, что страстные призывы Толстого къ совершенству-

ванію потрясають сердца людей не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Мало того, какъ бы ни были тяжки заблужденія Толстого въ его ученіи о государствѣ, правѣ, націи, религіи и т. п., одна заслуга несомѣнно принадлежитъ ему: есть одна положительная социальная идея, особенно соотвѣтствующая духу русскаго народа, которую онъ съ могучею силою несетъ въ мірѣ и вѣдряетъ въ умы представителей западно-европейской культуры, это — идея быт о в о й д е м о к р а т і и. Западная Европа выработала угонченныя формы политической демократіи, но бытовая демократія, основанная на непосредственной симпатіи человѣка къ человѣку, возможна только въ той странѣ, гдѣ есть Платоны Каратаевы, капитаны Тушины, Пьеры Безуховы. Толстой и своими художественными произведеніями, и философскими трактатами, и самою жизнью своею въ зрѣломъ возрастѣ борется за воплощеніе этой идеи. Въ далекомъ будущемъ, когда она будетъ сколько-нибудь замѣтно осуществлена на землѣ, на машинахъ Толстому будетъ отмѣчена эта его заслуга.

Н. Лосскій.